

В разделе о торговле, говоря о купле-продаже людей, Ши Цзинь-бо считает таковую «остатками рабовладельческого строя в тангутском феодальном обществе». Ши Цзинь-бо полагает тангутское общество «феодалным», когда есть знать и простолюдины, помещики и крестьяне, хозяева скота и пастухи. Строго говоря, в Тангутском государстве, как и в современном ему Китае, оформленных действующим правом в сословие помещиков в нашем понимании не было. И крестьяне и крупные землевладельцы представляли собой единую правовую группу «хозяев», «хозяев земли».

Я полностью согласен с тем, что пишет Ши Цзинь-бо об отсутствии в Тангутском государстве национальной вражды и равенстве прав лиц разной этнической принадлежности на службе.

Частное рабовладение было представлено в Ся лично несвободными людьми *пхинга* и *нини* (*пхинга* — мужчины, *нини* — женщины), что я полагаю близкой аналогией китайским танским *буцзой* и *кэной*. Это было домашнее рабство, *пхинга* и *нини* в памятниках права в ряде случаев упоминаются вместе с членами семьи, в собственности которой они состояли. Для Тангутского государства, помимо людей рабского состояния, было характерно массовое прикрепление производителей к местам производства и проживания, за самовольную смену которых наказывали смертной казнью. Часть таких людей, в особенности в государственных хозяйствах разного рода, можно было бы назвать государственными крепостными. Тангутское государство во многом выросло из недр танского Китая. И в нем, как и в танском Китае, основой господствующего класса было служилое сословие, гражданские и военные чиновники, армейские командиры. Ши Цзинь-бо отмечает сложность системы служебных рангов в Тангутском государстве. В сфере людей лично свободных имеющих ранг люди противостояли людям простым, не имеющим ранга. По многим причинам, даже при наличии великолепных памятников тангутского материального права, характеризовать точно и емко социальную природу такого государства, как тангутское, со сложным переплетением родоплеменных, патриархальных, рабовладельческих и крепостнических отношений, с воплощением, как и в Китае, господствующего

класса в бюрократии, при отсутствии в этих памятниках отдельно оговоренных прав родовой аристократии, очень трудно.

Рецензируемая книга во многом похожа на своеобразную энциклопедию по экономике, культуре и социальным характеристикам Тангутского государства. Она — большое достижение не только автора, руководимого им Центра по изучению культуры Си Ся при Академии общественных наук КНР, но и всего китайского тангутоведения, включая тайваньское. Ряды китайских тангутоведов ныне многочисленны, а география изучения Си Ся охватывает весь Китай. Академик Ши Цзинь-бо впервые отправился в Дуньхуан искать материалы о Си Ся осенью 1964 г. вместе с Бай Бинем под руководством проф. Ван Цзин-жу, ветерана первого поколения китайских тангутоведов 1930-х годов. Ши Цзинь-бо, Бай Бинь, Ли Фань-вэнь, Чэнь Бин-ин, ныне покойный Хуан Чжэн-хуа, более молодой Не Хун-инь были первым отрядом китайских тангутоведов, руководимых Ван Цзин-жу, которые резко двинули вперед изучение Си Ся в Китае, сделали его действительно массовым. Стимулировавшие этот прорыв тангутоведческие исследования в Японии и СССР, разумеется, массовыми стать не смогли. И данная книга и другие книги Ши Цзинь-бо, в частности «История буддизма в Си Ся», во многом определили и определяют и его личный успех, и впечатляющие успехи китайского тангутоведения.

Е.И. Кычанов

Васильева О.В. Нить жемчуга: Иранское книжное искусство XIV–XVII веков в собрании Российской национальной библиотеки. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2008. — 132 с., 121 ил.

Издание персидской книжной живописи (миниатюр) всегда становилось заметным событием в научном мире. Миниатюра как один из наиболее ярких элементов иранской книжной культуры привлекала внимание не только искусствоведов, но и исследователей восточных рукописей, текстологов, этнографов, историков средневекового Ирана, многих образованных читателей в России и за ее пределами. То, что составители художе-

ственных альбомов выступали, как правило, в нескольких ипостасях, делало их публикации авторитетными и одинаково увлекательными для разной аудитории.

Изучение иранских иллюминированных рукописей в Ленинграде/Санкт-Петербурге начинала с 60-х годов XX в. сосредоточено в трех центрах — Государственном Эрмитаже (Л.Т. Гюзальян, А.А. Иванов, А.Т. Адамова), СПбФ ИВ РАН — ИВР РАН (О.Ф. Акимущин) и в Российской национальной библиотеке (Г.И. Костыгова, О.В. Васильева). Параллельно с исследованием и изданием миниатюр проводилось освоение других важных элементов художественного оформления рукописей (каллиграфии, переплета, орнаментального убранства), изучение средневековых трактатов о каллиграфах и художниках. В большинстве случаев специалисты пользовались материалами рукописных коллекций по месту своей постоянной работы.

Альбом О.В. Васильевой «Нить жемчуга: Иранское книжное искусство XIV–XVII веков в собрании Российской национальной библиотеки» представляет собой обзор наиболее выдающихся шедевров искусства оформления книги Ирана в коллекциях Отдела рукописей РНБ. Работа состоит из предисловия, шести глав и библиографии.

В предисловии даны краткий обзор истории книжного искусства в Иране, очерк формирования коллекции персидских рукописей в РНБ и его изучения. Первые четыре главы посвящены анализу элементов художественного оформления рукописной книги (переплету, каллиграфии сопроводительного текста, иллюминации, миниатюре). Для рассмотрения эволюции искусства оформления мусульманской книги такой подход вполне традиционен и помогает читателю лучше ориентироваться в комплексе существующих проблем.

Две последние главы книги, посвященные альбомам-*муракка* и шедеврам книжного искусства эпохи правления сефевидского шаха Тахмаспа I, предлагают читателю оценить некоторые из шедевров коллекции под необычным углом — увидеть в рукописях не искусство отдельных мастеров, работавших над созданием различных элементов книги, но взглянуть на книгу как на памятник искусства, в котором совокупность столь различных на первый взгляд художественных

приемов призвана создать единое целое, все составные части которого пребывают в эстетической гармонии друг с другом. Следует отметить, что такой подход прежде не применялся при изучении персидских шедевров РНБ и знаменует новую, более высокую ступень исследования.

Многие миниатюры и элементы оформления рукописей, помещенные в альбоме, ранее не публиковались, что увеличивает научную ценность издания.

Несомненными достоинствами исследования О.В. Васильевой являются глубокое знание предмета, основанное на тщательной проработке отечественной и зарубежной литературы о художественном оформлении персидской рукописной книги и богатым личным опытом работы с материалом, а также увлекательность изложения, позволившая донести специфику иранского книжного искусства и до читателя, прежде незнакомого с ним. Таким образом, альбом предназначен для широкой аудитории и адресован не только специалистам в области иранского (и в более широком плане — мусульманского) книжного искусства. Хочется отметить эмоциональное отношение автора к предмету, стремление поделиться с читателем не только научной информацией, которой в работе собрано много, но и преклонением перед красотой памятника и искусством создавших его мастеров.

К немногочисленным недостаткам издания можно отнести отсутствие указания размеров оригинала в подписях к иллюстрациям, что не позволяет читателю составить представление о реальных размерах памятника. Другой недостаток относится к области полиграфии: не везде адекватно переданы цвета оригиналов, особенно в воспроизведении многоцветных миниатюр. Общий дизайн книги, впрочем, весьма удачен, особенно хочется отметить оригинальное оформление обложки. Следует также упомянуть, что издание было отмечено на Санкт-Петербургском международном книжном салоне 2009 г.

Прилагаемый к основной части альбома английский перевод русскоязычного текста адекватно передает его содержание и расширяет потенциальную читательскую аудиторию.

В собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки хранится множе-

ство памятников, которые до сих пор мало изучены и неизвестны широкому кругу исследователей. Богато иллюстрированный альбом шедевров персидского книжного искусства, который составила О.В. Васильева, несомненно, усилит интерес и внимание специалистов к рукописным коллекциям РНБ.

А.И. Колесников, О.М. Ястребова
Якерсон С.М. Еврейские сокровища Петербурга. Свитки, кодексы, документы. — СПб.: Арка, 2008. — 264 с.

Эта прекрасно иллюстрированная книга (по форме своей — альбом, таково и ее определение автором, с. 10, 14, 15) знакомит читателя со связанными с еврейской историей и культурой письменными документами, которые хранятся в первую очередь в Российской национальной библиотеке (РНБ) и в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения Российской Академии наук (СПбФ ИВ РАН — сегодня Институт восточных рукописей РАН [ИВР РАН]). Коллекция Российского Этнографического музея представлена фотографиями шести артефактов (№ 45–48, 110, 127). Согласно предисловию (с. 12), этот альбом является первым томом издания «Оцар нехмад — многогранное сокровище» (это название фигурирует на шмуцтитуле, с. 2).

Книга состоит из следующих частей: «История формирования коллекций» (с. 16–47), «Азиатский музей» (с. 48–65), «Искусство еврейской рукописной книги» (с. 66–127), «Книги людей Писания» (с. 128–235), «Вместо эпилога...» (с. 236–237) — и приложений.

В первой части рассказывается о приобретении в 1858–1859 гг. тогда еще Императорской Публичной библиотекой греческих библейских рукописей у Константина Тишендорфа, о возникновении обоих собраний рукописей караимского «наставника» Авраама Фирковича и собрания архимандрита Антонина, о приобретении этих коллекций Императорской библиотекой в 1862 и 1876 гг., а также о первом хранителе и исследователе этих рукописей Аврааме Гаркави. Во второй части повествуется о коллекционере Лье Фридланде, который в 1892 г. подарил свою библиотеку еврейских книг и рукописей то-

гдашнему Азиатскому музею Императорской Академии наук (ныне ИВР РАН), о первом хранителе этого собрания Самуиле Винере и о профессоре семитских языков Данииле Хвольсоне, сыгравшем определенную роль в приобретении Публичной библиотекой первого собрания Фирковича и завещавшем Азиатскому музею свою личную библиотеку. Также перечислены семь других источников пополнения еврейского собрания ИВР РАН (с. 64).

В части «Искусство еврейской рукописной книги» описываются свитки и кодексы как формы средневековых книг, процесс их изготовления и используемые инструменты; говорится о колофонах и системах обозначения дат. В конце этой части в «Галерее колофонов» представлены фотографиями и снабжены русским переводом 12 колофонов различных рукописей (с. 107–127).

Часть «Книги людей Писания» знакомит читателя с жанрами, представленными в петербургских рукописях. Это Еврейская Библия и ее переводы на арамейский и арабский; Мишна, Талмуд и галахические компендиумы; молитвенники и сборники средневековой литургической поэзии (*nuoma*); научная литература по языкознанию, философии, этике, логике, а также историческая литература; беллетристика (представлена в книге рукописью стихов Иехуды ха-Леви); повседневные документы, такие как квитанции и письма; брачные контракты. (О средневековых списках еврейских книг и о проблемах, связанных с реконструкцией содержания средневековых еврейских библиотек, см.: *Allony N. The Jewish Library in the Middle Ages. Book Lists from the Cairo Genizah. Ed. by M. Frenkel & H. Ben-Shammai // Oriens Judaicus 1/3. Jerusalem, 2006* (на иврите) и отзыв на эту книгу M. Lavee (*Journal of Semitic Studies* 53. 2008, P. 359–363). Якерсон опубликовал один список книг из Испании, датированный 31 марта 1492 г. (см.: *Yakeron Sh.M. An Unknown List of Hebrew Books // Manuscripta Orientalia 4/1 1998. P. 17–25*), эта публикация не учтена в библиографии Аллони.)

В заключительной главе «Вместо эпилога. О „нарушении“ второй заповеди» (с. 236–237) представлены фрагменты миниатюр, изображающих людей и животных.

Завершает альбом обширное приложение (с. 242–264), содержащее глоссарий научных и исторических терминов, список сокраще-